

Лэ Юй испытал на себе тысячи чувств, все разом нахлынули, словно не было слов, и он лишь усмехнулся, промолвив:

— Я, как и обещал, буду охранять Ваше Высочество ещё месяц.

Сяо Шанли закрыл глаза:

— Хорошо, благодарю вас, учитель. Сегодняшний ваш визит я буду считать сном. И ещё кое-что: стихи, что вы сегодня мне вернули, я не отдам; эту ветку персика — тоже не отдам; и гу, которого я обещал вам достать, — тоже оставлю себе. Я хочу, чтобы этот любовный гу оставался во мне как можно дольше, хочу быть вам как можно больше должным. Чтобы вы меня никогда не забыли.

Вернувшись той ночью, Лэ Юй на следующее утро увидел, как маленькая служанка, принеся таз с водой из беседки у озера, тихо постучала в дверь, чтобы помочь Не Фэйлуань с утренним туалетом. Та, не накрашенная, пристально смотрела в медное зеркало. Последние дни она часто во сне возвращалась в ту ночь в саду Гэнъе, где они с Тянь Мими молча смотрели друг на друга, а слёзы смачивали подушку. Её лицо, некогда считавшееся лучшим среди куртизанок Цзиньцзина, осунулось, день ото дня она становилась всё бледнее и измождённое. Видно было, как тоска и воспоминания старят. До свадьбы принцессы и князя Цзинчэна оставалось два-три месяца. Она очнулась, поднесла палец к губам, и служанка замолчала. Во внутренних покоях Лэ Юй, не раздеваясь, лежал на кушетке у окна, и солнечный свет падал прямо на его лицо со сведёнными густыми бровями.

Прошлой ночью Лэ Юй вернулся лишь в начале часа быка. Оба они провели ночь без сна, веселясь и выпивая до рассвета. Она заснула в изнеможении и в полусне видела, как Лэ Юй, сильно пьяный, поднялся, огляделся, затем опустил за стол и вылил вино в чернильницу. Проснувшись, она увидела, что на столе ещё стоит запах вина, чернила высохли, а волосная кисть валяется на полу. На бумаге же был рисунок.

Периковые цветы, пышные и яркие, ослепительного цвета, словно наступали со всех сторон. Цветы, словно облака, окружали пустое пространство, будто там должна была быть стройная фигура, будто после вина и тяжёлой печали кисть больше не могла двигаться. Рядом с рисунком небрежным, плавным почерком были написаны строки из песни:

*

«Вчера в полночь на подушке ясно видел во сне,

Говорили мы долго.

Всё то же лицо — цвет персика,

Часто склонялись брови — ивовые листья.

Наполовину стыдлива, наполовину радостна,

Хотела уйти, но не могла расстаться».

*

Последний иероглиф «расстаться» был вытянут в длинную черту, завершавшуюся тончайшим штрихом. Она развернула свиток, замерла на мгновение, затем тихо прикрыла губы рукой. Строка, которую намеренно опустили, не упомянув, была: «Проснувшись, понял — это сон, не сдержат печали».

Инь Усяо пришёл, чтобы нащупать пульс Лэ Юя. Не Фэйлуань сказала:

— Учитель ещё не проснулся, доктор Инь, не сердитесь, пожалуйста, выпейте у меня чаю, пока подождёте.

Подождав ещё немного, они начали играть в вэйци. Оба, тоскуя по недостижимым людям, страдали от любви и худели от тоски. Когда вышел Лэ Юй, игравшие словно прониклись неким взаимопониманием, встретились взглядами и улыбнулись.

Инь Усяо отложил фигуру, взял его за запястье и сказал:

— Слышал, ты прошлой ночью с госпожой Не играл в «бросание стрел» и «угадывание под чашей», пил до рассвета?

Лэ Юй нахмурился. Инь Усяо блеснул глазами, опустил веки и посоветовал:

— У пьяниц дети рождаются неумными. Тебе сейчас не стоит пить, лучше сосредоточься на еде и сне.

Лэ Юю показалось это странным, но Инь Усяо всегда был окружён туманом таинственности, и вникать не было сил.

В зале с водоёмом дул приятный ветерок, прямо напротив был пруд, где в больших сосудах цвели изящные лотосы, сновали красные карпы. Со всех сторон стояли ширмы, расшитые узорами из разноцветных карпов и зелёных водорослей, по бокам по восемь служанок обмахивали их веерами. Свадьба принцессы Яньцин и князя Цзинчэна была назначена через три месяца, и придворные дамы обучали её этикету дома Чу. Главной среди шести дворцов была наложница Жун, и она прислала даму по фамилии Фан, лет сорока, с душистыми цветами в волосах, весьма обаятельную, но сдержанную и достойную. Тянь Мими отнеслась к ней с большим почтением. Та, подробно объяснив правила этикета, оправила одежду и сказала:

— До того как Его Высочество князь Цзинчэн был пожалован титулом, я несколько лет служила ему. Теперь, увидев принцессу, понимаю — вы и вправду небесами созданная пара.

Тянь Мими поспешила поднять её и с улыбкой сказала:

— Оказывается, вы раньше служили князю Цзинчэну, а я и не знала.

Она стала расспрашивать о дворцовых делах. Дама Фан, получившая указания от наложницы

Жун, естественно, рассказала всё, что можно. Тянь Мими спросила:

— Наложница Жун, должно быть, очень любима императором?

Дама Фан улыбнулась и ответила:

— Ваше Высочество правы. Император собственноручно нарисовал для неё картину с воздушным змеем — в память о первой встрече в загородном дворце Лочи прежней династии Чжоу. Забавная история: подарив эту картину, не прошло и месяца, как императору стало жалко, и он забрал её у наложницы обратно, повесив в своих покоях, где и теперь смотрит на неё по нескольку раз в день.

Тянь Мими с улыбкой воскликнула:

— Это и вправду вызывает зависть!

Про себя же она сжалась от боли и усомнилась: «Если бы я могла видеть сестру Не каждый день, разве стала бы я ценить картину, а не живого человека? Если бы наложница Жун утратила красоту, император Чу охладил бы к ней — это ещё можно понять. Но на том дворцовом пиру при свете ламп я видела: наложнице Жун на вид лет тридцать с небольшим, она и вправду необычайно прекрасна, небожительница или богиня вряд ли могут сравниться. Так что же тогда „охлаждение к увядшей красоте“?» Она уже чувствовала, что здесь что-то не так, но вникнуть глубже не могла.

После полудня зелёная крытая карета покинула Двор Весенних Ароматов, копыта коней топтали опавшие цветы, въехали в город и остановились у особняка. Сначала сошла служанка, открыла резную дверцу, и вышла девушка лет шестнадцати-семнадцати, с миловидным лицом, редкой гибкой статной фигурой, в жёлтом шёлковом платье и зелёной плиссированной юбке, с тонкой талией, вся изящная и грациозная.

Лёгкой походкой она вошла в кабинет, тихо отпустила слуг, опустилась на колени и принялась массировать ноги дряхлого седовласого старика. Тот сонно пробормотал:

— Это Яньвань вернулась?

Она улыбнулась:

— Дедушка, это Яньвань.

Старик, лежа на нефритовой кушетке, с любовью взял её за руку:

— Яньвань, как тебя сегодня приняла в Дворе Весенних Ароматов супруга наследного принца Чжаохуай?

Гао Яньвань ответила:

— Разве она, вдова, посмела бы плохо принять вашу внучку?

Она массировала старику ноги и сказала:

— Кажется, она... намеревается от имени князя Цзинчэна просить у дедушки моей руки в качестве второй жены.

Гао Э спросил:

— Так ты согласна выйти за князя Цзинчэна?

Она прижалась головой к его коленям и с упрёком сказала:

— Дедушка, разве вы хотите, чтобы я вышла за кого-нибудь заурядного? Если не князь Цзинчэн, то князь Шоушань. Но мать князя Шоушаня враждует с госпожой Сюй, которая признала дедушку приёмным отцом. В его внутренних покоях для внучки не будет места, и в будущем при его дворе не будет места ни для отца, ни для дяди, ни для третьего брата.

Гао Э снова спросил:

— Но это же всего лишь вторая жена.

В глазах Гао Яньвань мелькнула острая искорка, она тихо сказала:

— Хотя князь Цзинчэн берёт в жёны принцессу Яньцин, он ни за что не позволит главной жене родить наследника. Так что что плохого в том, чтобы быть наложницей? Когда прежний наследный принц был жив, мать принца, наложница Жун, тоже была всего лишь наложницей. Ваша внучка ни в чём не уступает другим.

Гао Э резко открыл старые глаза, долго всматривался в неё, наконец хлопнул её по руке:

— У твоего отца не хватает смелости, столько лет не может выбиться в люди! Жаль, что ты не мужчина.

Снова закрыл глаза и, дрожа, откинулся на ложе:

— Супруга наследного принца Гу, хоть и женщина, но с ней стоит иметь дело.

Услышав это, Гао Яньвань не поверила, с упрёком сказала:

— Дедушка так её ценит, неужели считает, что она, как и ваша внучка, «к сожалению, не мужчина»?

Гао Э, бывший наставник наследного принца, погружившись в воспоминания, мрачно произнёс:

— Она? К счастью, она не мужчина.

В тот день Сяо Шанли был занят дворцовыми делами: поступил доклад, что в Уцзяне три дня

лили сильные дожди, и этим летом реки могут выйти из берегов. Он вернулся в усадьбу лишь к вечеру, чтобы поужинать, и ему приснился сон.

Горели красные свечи, шёлковые покрывала благоухали, словно та ночь, но и не совсем. Всё вокруг было в золотых и красных тонах. Он, в парадных одеждах, сидел на краю кровати, словно в свадебную ночь, сидел долго в тревожном ожидании. Вдруг с скрипом кто-то открыл дверь и широко шагнул внутрь. Это действительно был Лэ Юй.

Он не смел разглядывать, но чья-то рука взяла его за подбородок и повернула. Будь это сон, на лице Лэ Юя, в его глазах должна была быть улыбка, но когда их взгляды встретились, её не было.

Сяо Шанли весь застыл, щёки пылали. Лэ Юй смотрел на него какое-то время, затем обнял и стал целовать. У Сяо Шанли были изящные длинные брови, взгляд острый как меч, между бровями и в глазах от природы веяло холодной чистотой, но губы у него были не тонкие, с чуть приподнятыми алыми бугорками, цвет — будто держит киноварь, и даже когда он не улыбался, в них сквозила чувственность. Он не понимал, как оказался, что Лэ Юй, целуя его, размягчил половину его тела, затем приподнял ему подбородок и принялся ласкать, посасывать и кусать. Губы его слегка приоткрылись, стали ещё более пухлыми и нежными.

Он чувствовал, как по телу разливается жар. Те руки развязали его пояс и принялись ласкать его ниже пояса. Когда играли с его членом, он слегка прикусил губу и подался вперёд, но когда дотронулись до его ягодиц, он вдруг сжал бёдра, не позволяя проникнуть глубже. Лэ Юй рукой мял две его половинки, он же, с растрёпанной одеждой, сжался ещё сильнее, в панике умоляя:

— Не надо... не так...

Зажал его запястье и всем телом нырнул в объятия Лэ Юя.

Он знал, что слабый, хрупкий вид перед Лэ Юем всегда был выигрышным. И действительно, Лэ Юй снова взял его за лицо, посмотрел, коротко вздохнул, затем усмехнулся:

— Даже во сне не хочешь отдаться мне.

Сбросил одежду, широко расставил ноги и опустился на Сяо Шанли.

<http://bllate.org/book/15272/1348094>